

ТИПЫ И ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ ПОНЯТИЙ

Сидоренко С.Г.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1), e-mail: samuels@mail.ru

В данном исследовании анализируются метаструктуры схем действия по восприятию и расширению компонентов значения заимствованных понятий в принимающей лингвокультуре. В соответствии с современной теорией и методологией филологической феноменологической герменевтики рассматриваются основные этапы полного переосмысления и трансформации ноэматической структуры в процессе адаптации заимствований. Основной метасвязью представляются прогностические стратегии, позволяющие всем членам лингвокультурного сообщества участвовать в со-творчестве компонентов смысла и значения во вновь появившейся в языковой системе языковой единице. Анализ проводится на материале наиболее репрезентативных понятий, совмещающих в себе формальную структуру различных лингвокультур, комбинированных в едином понятии. Заимствованное понятие с измененной или адаптированной семантикой может быть первоначально принято в качестве неузального образования и впоследствии введено в практику речевого употребления.

Ключевые слова: язык-донор, компоненты смысла, заимствование, прогностические стратегии, схема действия, трансформация.

TYPES AND STAGES OF SEMANTIC STRUCTURE TRANSFORMATION WITHIN BORROWED MEANING

Sidorenko S.G.

North-Caucasus federal university, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkina St. 1, e-mail: samuels@mail.ru

This research analyzes the scheme of actions' metastructures within im-pressure and extension of meaning components of a borrowed notion in the targetlinguaculture. According to the modern theory and phenomenological hermeneutics of philological methodology, the main stages of complete reframing and transformation of noematic structure within borrowing adaptation process. The main metacoherence is the prognostic strategy, which provides the possibility for all society members of a linguaculture to be involved into the sense- and meaning-quantum co-creation process in a newly derived language unit. The analysis is undertaken as exemplified in the most representative notions, combining the formal structure of different linguacultures, combined in unified notion. The borrowed notion with changed or adapted semantics can be initially adopted as a means of non-usual lexeme and subsequently employed in daily speech practice.

Keywords: donator-language, sense-quanta, borrowing, prognostic strategies, scheme of acting, transformation.

Вопрос пополнения словарного состава как отдельных терминосистем, так и общего словарного фонда конкретной языковой системы в настоящее время глобальных изменений и межкультурных контактов является одним из самых насущных. Наиболее перспективным в изучении данной проблематики представляется концепция диалога культур, однако и она не дает возможности в полной мере представить себе все функционально-прагматическое и семантическое разнообразие потенциалов заимствованных языковых единиц в пределах принимающей лингвокультуры. Для реализации этой задачи необходимо привлекать не просто общую семантику и когнитивную парадигму, а пользоваться некоей методологией, претендующей на универсальность в прояснении ментальных процессов смыслопорождения и формирования значения, такой методологической базой для анализа может быть признана филологическая феноменологическая герменевтика.

В каждой конкретной лингвокультуре можно выделить несколько типов заимствования понятий с переосмысленной семантической структурой – это собственно заимствованные слова; кальки и семантические заимствования.

И совсем необязательным является сохранение формально-фонетической и семантической структуры, фонологическая подстановка является лишь одним из способов ассимиляции формально-логической структуры в принимающей лингвокультуре. Гибридный тип заимствования чаще всего порождает истинно новое и творимое понятие, сосуществование компонентов семантической структуры исходного языка с приданными компонентами значения в формальном элементе морфологической структуры, рождает новый многомерный смысл. В калькировании при сохранении формально-логической структуры следования элементарных компонентов морфологической структуры, а иногда и частичного сохранения фонематического и семантического состава, происходит трансформация периферийной зоны ноэматики. В рамках смыслового заимствования происходит восприятие семантических компонентов понятия языка-донора при абсолютном изменении формальной структуры языковой единицы, однако использование компонентов языковой системы целевого языка не может не отразиться на значении вновь образованного понятия, коннотативные обертона, заложенные самой языковой практикой – силой словоупотребления, будут привносить в общую смысловую структуру некоторые изменения и способствовать её расширению.

В наших работах мы уже упоминали о прагматическом воздействии и схематизации текстопостроения при использовании включений и заимствований на различных языках в качестве особых метаструктурных схем, вызывающих к жизни особые стратегии по пониманию и восприятию того или иного вербализованного отрезка рефлексивной реальности, вербализованного в дискурсах различной направленности. Безусловно, когда мы говорим о метаединицах в «схемах действия» в интерпретативном герменевтическом аспекте, для нас важной становится одна из наиболее важных узловых единиц, объединяющая красной нитью все возможные узловые кванты понимания – это прогнозирование продуцентом модели восприятия текста как целого и глубинного содержания вербализуемого ментального акта. Как говорит С.Н. Бредихин: «Прогностические стратегии ... реализуются ... до или в процессе опредмечивания смысла, ... определяются константами смыслопорождения и “схемами действия”» [4, с. 110].

Мы можем сказать, что все языковые средства, используемые лингвокультурным сообществом, воспринимающим языковую единицу в её функциональном аспекте и стремящимся реализовать ту или иную прагматическую доминанту подобным образом в том или ином типе текста, релятивны и вероятностны, то это безусловно только в сравнении с

актами сознания, которые нерелятивны и невероятны. Большинство ученых твердо убеждены в непредсказуемости/непрогнозируемости мыслительных конструктов и актов действия в рефлексивной реальности, в отличие от реальной возможности проспекции и некоего прогностического воздействия какой-либо метаединицы, схемы действия или деривационной модели, кои вполне возможно на первоначальном неадаптированном этапе заимствования проникают вместе с понятием в принимающую лингвокультуру. Непредсказуемость не речепорождения, а мыслетворчества занимает первостепенное положение, однако не исключается сама гипотетическая возможность деривации установки на феномен усмотрения самого наблюдателя, субъекта восприятия той или иной единицы в качестве материальной стороны экспериментальной деятельности мысли и языка в процессе придания вербализаторских способностей заимствованию (отказ от комплекса демиурга) – можно воспринимать всю деятельность в объективной и рефлексивной реальности как фон или сцену для создания условий возникновения, причем спонтанного, эксперимента нового когнитивного опыта – эксперимента не всегда вторичного, основанного на исходном заимствовании, но всегда этнокультурно обусловленного, творческого и со-творческого.

Образование и закрепление «схем понимания», развертывание смысла в направлении от узловых актуализированных нозем к общим смыслам в вос-принимаемом понятии, а затем метасмыслам проходит с той же скоростью, с какой воспринимается сам субъект заимствования (вне зависимости от формы репрезентации – звуковой или письменной), однако следует в ситуации деятельности восприятия специального понятия ввести ещё и критерий интерпретативности и способности к вербализации интерпретата средствами принимающей лингвокультуры – именно лингвокультуры, а не просто языка, ведь композиционный и архитектурный аспект формирования прагматической и когнитивной доминанты в тексте отнюдь не уступают вербальному. Это особая опредмечивающая смысл форма конкретизации – от абстракции третьего уровня к «материальной», помысливаемой предметности мышления, реализация ожидания от иллюкативного акта, воспроизведение данного ожидания и достижение его в текстах воспринимающей лингвокультуры и есть адекватная ситуация в коммуникативном акте трансформации и вос-приятия нового иноязычного понятия. Только подобную форму и можно воспринимать как полное, герменевтическое понимание – вос-приятие и пере-дача всех оттенков и граней смысла, заполнение всех схем действия, объединение посредством прогнозирования всех метаединиц и метасвязей, достижение прогностического эффекта. В отдельных случаях прогнозирование определяется по жесткой модели, где нет места процессу творчества в смыслопорождении. Но более высокий уровень понимания – герменевтический, на луче феноменологической рефлексии – основывается на рефлексивной реальности и на опыте

каждого конкретного индивида как и на опыте всех членов лингвокультурного сообщества, ибо индивидуальная картина мира есть обретение этого опыта, познание мира, а эмоциональное переживание реальности – у каждого свое. А значит, и «обретение способности понимать» движется у каждого члена лингвокультуры по своему неповторимому пути, лишь общие модели и сходные «схемы действия» дают возможность подойти к процессам заимствования и переосмысления заимствования с позиций универсальности, вот где и проявляются константы понимания, которые, однако, не исключают нормированности восприятия, точнее, его иерархической структурированности, позволяющей членам одного сообщества, использующего адаптированное парадигматически выстроенное понятие, понимать друг друга, здесь присутствуют все прогностические стратегии, которые, однако, совсем не должны восприниматься как жесткая инструкция, а лишь как общая схема действия. Подобную дуальность на примере организационных структур сознания показал Н. Г. Алексеев: «Организованности сознания в отношении друг к другу могут выступать и как противоречивые, и как взаимодополняющие, совместимые и несовместимые, зависимые и независимые, в самых различных типах обусловливания и т.д. и т.п. – и все это в одном, произвольно взятом, индивидуальном сознании. <...> Сознание выступает как организованное и неорганизованное одновременно» [1, с. 6]. Надо отметить, что и субъективность, интенциональность, модальность, ситуативность и т.п. могут быть органично включены в «схемы действия» при восприятии конкретной лингвокультурой новых и чуждых для себя концептуальных понятий.

Практически неисчислимо количество граней смысла в воспринимаемом понятии, в связи как с уже существующими, так и со вновь приписываемыми в принимающей лингвокультуре, невозможно воспринимать одновременно, а потому постоянное, каждый раз новое распредмечивание смысла является нецелесообразным для того или иного члена лингвокультурного сообщества, ускорить работу по репрезентации смысла в новой воспринятой конструкции и «осознанию» его помогают общие «схемы действия», основными узловыми единицами которых и являются метасмыслы, метасредства, метасвязи, прогностические стратегии, трансформации онтологической картины.

«В узловых точках суперструктуры смысла ассоциативным образом пересекается ноэмика и феноменология – интуитивное и осмысленное, докса и парадокс – речемыслительный процесс, работающий наравне с прагматическим воздействием и действием в объективной реальности» [2, с. 238].

В пределах структурных трансформационных моделей, которые описаны в работах С.Н. Бредихина, и прежде всего, «повторного распредмечивания смысловых структур в соответствии с концептуально-валерной системой принимающей лингвокультуры и

определения валерности узловых квантов (определения места элемента структуры в акте порождения личностного смысла» [3, с. 118] – совершается адаптация абсолютно чуждого принимающей лингвокультуре смысла или же его компонента в общую языковую картину мира сначала небольшой части, а затем и всех членов реципирующего сообщества.

Безусловно работающим механизмом следует признать тот, который «срабатывает» в любой конкретной языковой системе и действует как «антивирусная защита» – чуждый языковой материал по прошествии недолгого времени ассимилируется и становится своим [7, с. 78], принимает парадигмальные характеристики принимающего языка, причем как формальные, так и ноэматические.

Семантическая структура заимствования в принимающей лингвокультуре претерпевает серьезнейшие изменения, которые скорее можно назвать не изменениями, а полным переосмыслением и трансформацией ноэматической структуры, – здесь можно выделить несколько когнитивных ментальных операций, своего рода этапов:

1) вос-приятие (термин Бредихина) когнитивных структур в суперструктуре смысла воспринятой языковой единицы;

2) фильтрация когнитивных компонентов через призму принимающей лингвокультуры, что, по сути, повторяет трансформацию смысла «модификация/уточнение отношения актуализируемых квантов к ситуации» [3, с.120];

3) распространение воспринятого понятия с переосмысленным или вос-принятым содержанием среди подавляющего большинства лингвокультурного сообщества, придание ему статуса нормированности и компонента в деривационных моделях принимающей языковой системы;

4) превращение отрезка рефлексивной реальности, задействованного при опредмечивании/распредмечивании воспринятого конструкта, т.е. «определение валерности узловых квантов – определение места элемента структуры в акте порождения смысла [3, с.119];

5) «процесс внешней адаптации вербализованной структуры ... вне зависимости от адаптации внутренней формы слова, полное герменевтическое распредмечивающее понимание предполагающее о-сознание деривационных моделей и трансформирующей рефлексии, а значит и возможность в полной мере использовать средства вербализации принимающей языковой системы» [5] на базе «актуализации одной или нескольких периферийных ноэм, которые актуализируются посредством дискурсивных средств, выходящих за рамки одного высказывания» [2, с. 243].

Одним из ярчайших примеров преобразования семантической структуры могут служить некоторые сложные слова, которые были с помощью «этимологического

переразложения» составлены из компонентов заимствованных в различных языковых системах и объединенных в другой принимающей лингвокультуре. Например, общевоспринятое во всех европейских языках, либо с помощью кальки, либо в неизменном виде, созданной в рамках немецкой экзистенциальной философии понятие *Inkommunikabilität*, интерпретированное как «неспособность к коммуникации». Эта лексема представляет особый интерес по причине возможности проведения этимологического переразложения на основе разноструктурных языков. Само слово *Kommunikabilität* уже является ярким примером смешения немецкой основы и заимствованного в средневерхненемецкий период при посредничестве французского языка латинского суффикса *-able*, обозначающего способность к чему-либо. Значит, *Kommunikabilität* в данном случае означает «способность к ведению коммуникации». Однако приставка *in-*, заимствованная уже из латинского, на наш взгляд, указывает на отрицание, соответственно, понимание понятия с учетом данного компонента смысловой структуры меняется на антонимический, и, соответственно, конструкция целиком будет восприниматься носителями принимающей лингвокультуре как «неспособность к коммуникации» или «отсутствие коммуникации».

Насколько известно, большинство языковых систем, которые основаны на прямом включении конкретного маркера во вновь порождаемую, творческую, а не спонтанно безрефлективно воспроизводимую речь, обладают гораздо большими возможностями для сохранения изначальных компонентов значения в понятии (при ранее использованном маркере в составе заимствованных понятий), но вместе с тем и большие возможности по расширению и приращению смысла в языке принимающей лингвокультуре; порождение новых компонентов в заимствованном понятии происходит при сужении уровня абстракции при внутриязыковом внутрilingвокультурном сопоставлении и приводит к дезинтеграции ассоциативного ряда, к значимому расподоблению ноем в структуре понятия и, как следствие, к внутреннему делению самого концепта, имманентной инфляции смысла.

В рамках дифференциальных операций по переосмыслению и адаптации семантической структуры в новой языковой системе происходит его расширение компонентов смысла с образованием нового творчески *со-з-данного* понятия и дальнейшей концептуализацией *вос-принятого* понятия, именно подобным образом любое заимствованное понятие с измененной или адаптированной семантикой может быть первоначально принято в качестве неузуального образования и впоследствии введено в практику речевого употребления, данное введение производится путем некоторых интерпретативных операций с конструктом.

Список литературы

1. Алексеев Н. Г. Заметки к соотношению мыследеятельности и сознания // Вопросы методологии. – 1991. – № 1. – С. 3-8.
2. Бредихин С.Н. Игровое смыслопорождение на грани и за границами языка // European Social Science Journal. – 2013. – № 8 (35). – Т. 2. – С. 237–244.
3. Бредихин С.Н. Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 115-124.
4. Бредихин С.Н. Метасредства как сложные структуры «схем действия» в пределах герменевтического понимания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4. – С. 110-113.
5. Бредихин С.Н., Сидоренко С.Г. Ноэматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/121-17525>
6. Городникова М.Д. Методы синхронного анализа лексики // Материалы междунар. конференции, посвященной научному наследию М. Д. Степановой и его дальнейшему развитию. – М., 2001. – С. 59-63.
7. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 496 с.
8. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
9. Хуссейн Х.А. Об основных типах лексических заимствований // Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике / отв. ред. С. В. Редькин. М.: Б. и., 1999. – С. 59-60.
10. Myers-Scotton C. Duelling Languages. Grammatical structure in code-switching. – Oxford, Clarendon Press, 1993. – 263 p.

Рецензенты:

Ходус В.П., д.фил.н., заведующий кафедрой русского языка Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.